

---

НОВЫЙ ДИВОВ  
КОЛЛЕКЦИЯ



---

ОЛЕГ ДИВОВ

ГОРОД  
СЧАСТЛИВЫХ РОБОТОВ

СБОРНИК РОМАНОВ



ЭКСМО

МОСКВА  
2015

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Д44

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *И. Хивренко*

**Дивов, Олег Игоревич.**

Д44      Город счастливых роботов : сборник романов / Олег Дивов. —  
Москва : Эксмо, 2015. — 576 с. — (Новый Дивов. Коллекция).

ISBN 978-5-699-79224-5

Перекуси зубами кабель, оставь школу без интернета. А когда вырастешь и поумнеешь — встань стеной беде навстречу, защити людей от них самих, останови. Это страшно и больно, но счастливы только роботы, у них все всегда хорошо. А ты больше не робот. Что бы ты ни делал: крошечные вертолетики или настоящие автомобили, — ты не винтик в системе, а живой человек. Продвинутая микротехнология и простой сборочный конвейер ничем не отличаются, когда их хозяева одержимы жадной властью. Но ты сможешь все исправить, если захочешь.

Главное — запомни: бороться с идиотизмом надо хотя бы ради того, чтобы наши дети не выросли идиотами.

А объекты в зеркале заднего вида — ближе, чем кажутся.

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-79224-5

© Дивов О., 2015  
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

---

# ОБЪЕКТЫ В ЗЕРКАЛЕ ЗАДНЕГО ВИДА

---



*To Irene, Michael and Andrew.  
And to you, Donald, my dear friend.*



## Часть 1

### КАК ЭТО БЫЛО

Это было время, когда весь мир принадлежал нам и будущее зависело только от нас.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: это была молодость.

\* \* \*

Я стоял на веддинге, собирал цитрусы. Так это называлось в курилке. Вообще-то, курилки не было. И веддинга. И цитрусов тоже не было.

Весело жили мы, заводские.

С заводом городу повезло, конечно.

— Это русская деловая хватка, — сказал однажды Кен Маклелланд. — Если долго сидеть на берегу реки, ожидая, когда мимо проплывет труп твоего врага, рано или поздно рядом построят завод.

— Ну да, мы такие, — согласился я. — Запиши, а то забудешь. Кен записал.

Город наш делился на Левобережье и Правобережье. «Левые» работали на заводе, «правые» занимались всем остальным. Не по каким-то там идейным соображениям, просто слева до завода было близко, а справа — только через реку, сквозь вечную пробку на дряхлом узком мосту. Все кандидаты в мэры шли на выборы с лозунгом «Я построю переправу!». А потом на федеральной трассе в пяти километрах к югу отгрохали шикарный виадук. Те, у кого машины побыстрее, сразу его освоили. Так и старый мост разгрозился, и стало всем хорошо, особенно политикам.

— Это русская смекалка, — сказал Кен. — Если долго сидеть на берегу реки, ожидая, когда мимо проплывет труп твоего врага, рано или поздно рядом построят мост.

— Запиши, а то забудешь, — привычно согласился я.

Кен грустно покачал головой, но записал.

Его у нас долго не принимали всерьез. А потом как-то шли мы втроем — Кен, Михалыч и я, — тащили ржавое железо с кладбища автомобилей и наткнулись на стаю «правых». Вроде бы в восьмом классе мы учились, да, точно, в восьмом... «Правые» начали кричать нам всякое, как обычно бывает перед дракой. Ну и Кена пиндосом обозвали. А Кен этого очень не любил. Не был он пиндосом, честь ему и хвала. И дело тут не в обрусении — просто не был он пиндосом, и точка.

Кен тогда нес, как коромысло, на плечах реактивную тягу от «Жигулей». И пока мы с Михалычем думали, что бы «правым» ответить позже, Кен схватил эту оглоблю наперевес, прыгнул вперед и заорал:

— Я Кеннет Маклелланд из клана Маклелландов! Сюда идите, правые-неправые, остаться должен только один!

«Правые» как упали, так еле встали. Ржали до икоты. Кена полюбили безоговорочно. Я молчу, что в нашей школе творилось, когда мы рассказали. Фурор и триумф. Кен выступил остроумно, а это ценится на обоих берегах реки; еще он наплевал на известный закон об оскорблении кого попало чем попало. Выразив готовность драться, Кен повел себя как парень, который не боится оказаться крайним, и это оценили вдвойне.

А из той правобережной стаи трое обалдуев выросли офицерами дорожной полиции, кардан им в ухо. И теперь если Кен слегка нарушает — не по злему умыслу, а исключительно по обрусению, — эти ему говорят:

— Зачем же вы хулиганите, Кеннет Дональдович? Как же вам не стыдно? Не надо так. Иначе придется в следующий раз наказать.

А Кен им:

— Да работа у меня нервная. Больше не буду, честное слово. Ну как твой цитрус, бегаешь? Ты когда погонишь его на ТО, не забудь сначала мне звякнуть, я там знаю кое-кого, прослежу, чтобы все было хай-энд...

Ну полное взаимопонимание и дружба народов. А всего-то десять лет назад пообещал навернуть тупым тяжелым предметом.

Мы с Кеном были не просто «левые», а «левые» в квадрате — наши отцы строили завод. Естественно, мы оба на завод и угодили. С той разницей, что я стоял на вединге, а Кеннет Дональдович бродил вдоль конвейера, при галстукке и с озабоченным лицом. Лицом Кен зарабатывал деньги. Галстукком он иногда, забывшись, утирал вспотевший лоб. Русских это умиляло, американцев смешило, а вот пиндосы на Кена стучали.

— Что за манера, твою мать, сморкаться в долбаный галстук?! — спрашивали Кена в дирекции. — Разве может так себя вести менеджер по долбаной культуре производства?!

«Культура производства» только звучит несерьезно. Не знаю, может, у вас так обзывается санитария на рабочем месте. А в нашей компании это и инженерно-креативный департамент, и гестапо сразу. «Культуристы» отвечают за долбаную эффективность. Страшнее ругательства, чем «эффективность», на заводе вообще нет.

— Я не сморкаюсь, — отвечал Кен. — Я вытираю трудовой пот. У меня работа нервная. Больше не буду, честное слово.

Кена штрафовали, он возвращался на конвейер и спрашивал линейного технолога Джейн Семашко:

— Какая падла?..

— В большой семье не щелкай клювом! — отвечала Джейн, выразительно поднимая вверх красивые глаза.

Кен затравленно обводил взглядом камеры слежения, потом ряды тонированных стекол под потолком — кабинеты начальства — и нервно теребил галстук. Джейн привычно давала ему по рукам.

— Оставь в покое удавку, — говорила она. — Пойдем на вединг, посмотрим, как там наши Мишки. Я буду следить, чтобы

они все правильно делали, а ты — думать, как сделать так, чтобы они делали это лучше.

И они приходили и вставали у нас с Михалычем над душой.

Я был рад видеть ребят, да и к зрителям мы на вединге давно привыкли. Что инспекция, что делегация — первым делом все бегут к нам и торчат по полчаса в глубокой эйфории.

Есть в «женильбе» некая мистика. Момент волшебства. Именно здесь автомобиль становится автомобилем. Недоделанной, но все-таки уже машиной. Понизу на вединг-пост выкатывается платформа: задний мост и передний модуль. Сверху приплывает кузов — чпок! — и поженились. И вот она, машинка.

А уж хорошенькая!.. Цитрусы, то есть, простите, «Циррусы» — симпатяги, облик у них условно «среднеевропейский», однако не зря к нему приложили руку итальянцы. Особенно трехдверки удались. Глядишь, любишься — и видишь, какая пропасть между Европой и Россией. Мы можем красиво дизайннить только военную технику. Наши танки, вертолеты и самолеты исполнены такой гармонии — Кандинский бы обзавидовался. Но вот беда: когда у нас что-то отрисовано гармонично, оно сразу напоминает военную технику.

Если исходить из проверенного временем постулата «Всё — дизайн», выводы напрашиваются сами. Русские — нация очень добрых воинов. Мы бы всех победили, только нам их жалко, и вообще, лень оторвать задницу от лавки. И нечего стесняться. Может, это наше историческое предназначение: сидеть на берегу реки, вяло шкрябая точилом по дедовской катане, и ждать, когда мимо проплывет труп врага. А там, глядишь, придет кто-нибудь и завод построит...

В общем, я, русский воин, стоял на вединге и собирал цитрусы. А американцы смотрели. Молча. Оба знали, что такое конвейер, отнюдь не вприглядку, у Джейн была квалификация слесаря-сборщика С1, а у Кена полновесная С2, — и могли оценить четкость нашей работы как никто другой. И выкатить мне под руку на вединг-посту они не посмели бы — несмотря на все свои инженерские полномочия. Даже по меркам нашего завода

веддинг показывал аномально низкий уровень брака. Завод был чемпионом марки, веддинг — чемпионом завода, а моя с Михальчем смена была чемпионом среди чемпионов. Когда на горизонте возникали пиндосы, которым захотелось поглядеть, как шевелится конвейер под их мудрым руководством, тим-лидер буквально сдувал с нас пылинки. А то вдруг нам сейчас воткнут за некорпоративный внешний вид, мы из-за этого упадем духом, накосячим и испортим бригаде показатели.

Тяжко нам приходилось, честно говоря.

\* \* \*

Конвейер, что называется, «сушит мозги». От монотонной работы на станке тоже сдуреть можно, но конвейер — нечто особенное. Его не остановишь на минуточку, просто чтобы отдышаться. Ты привязан к нему намертво. Он едет — и у тебя вслед за ним крыша едет. Поэтому рано или поздно ты начнешь злостно нарушать технологию, выполняя по две операции разом — крутить, допустим, левой рукой одну гайку, а правой — другую. Так можно выиграть по двадцать или даже тридцать секунд на каждой машине. Чтобы потом эти полминуты спокойно постоять в сторонке, «отдыхая», то есть оглядываясь, почесываясь, скаля зубы, подтягивая штаны, жалуясь на жизнь, ругая пиндосов, короче, совершая какие-то сугубо человеческие действия. Благодаря чему ты хоть ненадолго почувствуешь себя именно человеком, а не промышленным киборгом.

Мы себе такого позволить не могли.

За вечно хмурые физиономии нас обзывали «Дартами Веддерами». Мы в долгу не оставались: Темная Сторона Силы умеет ответить на дружескую шутку убедительно и отвратительно, — но чего греха таить, рожи у нашей «веддинг-тим» и правда были каменные. Сосредоточенные донельзя.

В старые добрые времена на каждом веддинг-посту суеилось четверо, а то и шестеро сборщиков. Сейчас мы с Михальчем плавно и, говорят, красиво орудовали вдвоем. Казалось бы, чего тут сложного — помочь Железному Джону совместить платфор-

му с кузовом и завести с двух сторон рамы с гайковертами, контролировать момент затяжки да отправить машину дальше... Ну и кассеты с гайками вовремя заряжать. У робота трехмерный лазерный прицел, чуткие динамометры и соображалка на уровне среднего пиндоса. В общем, умный робот, но тупой. Если надо подвинуть детали на миллиметр, он просто снайпер. А как набежит полсантиметра от контрольной точки — Джонни либо впадет в панику, либо грохнет кузовом о платформу, наделав царапин и заусенцев. Поэтому нужен за ним глаз да глаз и время от времени — четко рассчитанный дружеский пинок. Иначе «свадьба» выйдет боком.

Вот для того и были мы с Михалычем — два русских надсмотрщика при одном американском железном работяге.

На конвейере многие спасаются тем, что, пока руками шуруют, стихи читают про себя или песни поют. Но я знал: стоит мне задуматься во время бритья — порежусь самым безопасным лезвием. А завод тебе не ванная, здесь можно без руки остаться запросто. Сам по молодости едва не схлопотал травму, спасибо конвейеру за науку, обошлось драным рукавом... Когда я дорос до веддинга, думал, наконец расслаблюсь — «вкальвуют роботы, счастлив человек», — а стало еще хуже. По закону подлости, едва отвлекусь, простейшие операции вдруг идут вкривь и вкось. Поэтому на работе я именно работал. Иначе меня давно попросили бы из сборщиков в уборщики. Вариантов просто не виделось: либо я буду хорош, либо никакой.

Михалыч страдал такой же парадоксальной криворукостью. Он тоже не мог работать плохо и тоже уставал. Мы считались по заводским меркам ветеранами, чувствовали, как необратимо глупеем, и не раз обсуждали, на сколько еще нас хватит. Решили пока дотерпеть до следующей весны: Вася-Профсоюз намекнул, что зимой нам светит турне по европейским заводам — показать немецким туркам и турецким чуркам, как надо ведить цитрусы. Если, конечно, будем и дальше правильно себя вести, с оглядкой на Кодекс корпоративной этики, то есть нарушать технологию незаметно, жаловаться на жизнь негромко и ругать пиндосов не-

матерно... «А Железный Джон с нами поедет? — спросил Михайч. — У него же настройки индивидуальные. Мы его два года дрессировали. Мы без своего робота никуда». Вася оглянулся на тим-лидера, а тот глубокомысленно кивнул в ответ. Васю заклинило, он пообещал все уточнить и убежал в сторону дирекции. Курилка долго хохотала.

Курилки не было, я сказал уже. И веддинга, строго говоря, никакого. А уж цитрусов не было и в помине.

\* \* \*

«Курилкой» называли зону отдыха. Естественно, там никто не курил. У нас вообще мало кто этим увлекался даже в нерабочее время. Чтобы узнать, какой штраф полагается за курение на заводской территории, пришлось бы зарыться в самую глубь трудового договора. Поговаривали, будто этот пункт давно хотели выкинуть, но воспротивился директор мистер Джозеф Пападакис. Человек старой формации, он иногда втихаря смолил на рабочем месте. И сам себя потом штрафовал.

Это, конечно, были только слухи: договор обязан предусматривать любые нарушения, вплоть до проноса на конвейер ядерной боеголовки. Джейн Семашко уверяла, что своими глазами видела в договоре параграф о запрете призывов к насильственному свержению власти — со вполне драконовским штрафом. Я пару раз напоминал себе проверить, не шутит ли она, но забывал. После смены было не до того: принять бы душ да упасть бы в койку.

Во сне я регулярно видел цитрусы. Иногда они женились.

За «цитрусов» нас драли с нечеловеческой силой. Веддинг, он на любом автозаводе планеты будет веддингом, как ты эту операцию ни обозначай в документах. А то, что русские зовут рекреационную зону «курилкой», господа начальники списали на местный колорит. Даром что сами, обрусев, поголовно этим колоритом страдали: кто в галстук сморкается, кто водку с пивом мешает, кто вообще болеет за питерский «Зенит»... Даже мистер